

Г. А. МОЛЬКОВ

Институт лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург, Россия)
georgiymolkov@gmail.com

НЕТРИВИАЛЬНЫЕ ФОРМЫ КОМПАРАТИВА В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ НАЧАЛА XVIII В.

Статья посвящена формам русского компаратива в переводном трактате по фортификации начала XVIII в., выделяющимся на фоне общей линии развития этой грамматической категории в русском языке. Отклонения касаются деklinационных характеристик кратких форм компаратива: в предикативной позиции они последовательно демонстрируют способность согласовываться с субъектом. Эта особенность, по-видимому, отражает искусственную грамматическую нормализацию языка, ориентированную на употребление авторитетных систем с сохранившим согласование компаративом — польского и церковнославянского языков. Формы сравнительной степени, встретившиеся в переводе, не имеют полного соответствия в склонении польского или церковнославянского компаратива и могут быть гибридными образованиями, вызванными установкой нормализовать грамматику перевода на основе русского разговорного языка и попытками использования книжно-славянского языка упрощенного типа в первой четверти XVIII в.

Ключевые слова: компаратив, нетривиальные формы, язык Петровской эпохи, нормализация, взаимодействие книжно-славянского и русского языков.

Сложность истории русского компаратива определяется множеством процессов, которые пришлось пережить этой категории в ходе ее становления. Среди этих процессов один из центральных — грамматическое и функциональное размежевание кратких и полных форм сравнительной степени (далее — СрС), происходившее в течение длительного периода. Собственно русской инновацией, выделяющей русский язык на фоне всех остальных славянских языков, в том числе восточнославянских, является закрепление за краткими формами СрС синтаксической роли именной части предиката и последующая утрата ими изменения по родам, числам и падежам [Босак 1971: 20; Stieber 1979: 170–171]. Формирование этой особенности русского компаратива произошло на достаточно раннем этапе: «Специализация нечленных форм в предикативной функции приводит к тому, что они, в отличие от членных форм, утратили формы согласования в роде, числе и падеже с теми существительными, к которым они относятся. Процесс этот в основном завершился в живом языке к XIV веку» [Бромлей 1954: 8]. XIV–XVII вв. в истории СрС прилагательных в предикативной позиции С. В. Бромлей

характеризует как «период отсутствия форм согласования, когда речь идет об образовании единой несогласуемой формы, с ее вариантами, характеризующими тот или иной тип основ или отдельные основы» [Там же].

Вместе с тем в более поздней работе исследовательница отмечает, что «общность происхождения несогласуемой формы и членной формы обусловила на всем протяжении истории русского языка сложные линии аналогических взаимодействий между основами этих форм» [Бромлей 1960: 186]. Наш материал показывает, что это взаимодействие продолжается и в XVIII в. при формировании литературного языка нового типа и что аналогия между краткими и полными формами в определенных благоприятных языковых условиях могла выходить за рамки взаимовлияния основ и касаться declinationalных характеристик краткой формы. Такая аналогия могла приводить к нетривиальному употреблению форм СрС, анахроничному с точки зрения основной линии развития компаратива.

Нестандартные формы СрС встретились в одном из переводных текстов Петровской эпохи. Это перевод немецкого трактата по фортификационному делу немецкого архитектора и инженера А.-Г. Бёклера под названием «Ручная книга о фортификации и крепостном строении... на свѣтъ приведена чрез георгия адреа беклера. архитектора и инженера во франкфуртъ... лѣта 1689», известный на сегодняшний день в единственном списке БАН из Библиотеки Петра I, № 17 начала XVIII в. Как следует из информации на титульном листе, перевод был выполнен с 3-го издания: Böckler Georg Andreas. Manuale architecturae militaris, oder Handbüchlein über die Fortification und Vestungs Bawkunst. Theil 1–4. Franckfurt und Leipzig, 1689 [Лебедева 2003: 142]. На л. 2–2 об. содержится запись о том, что рукопись переписана подьячим Гаврилой Аристовым (видимо, Посольского приказа). По мнению И. Н. Лебедевой, список является беловым экземпляром перевода, а исправления и дописывания в тексте могут говорить о подготовке этого текста к печати [Там же: 143].

Данный перевод до сих пор не привлекался как источник по истории русского языка, все имеющиеся сведения о нем ограничены информацией каталогов [Боброва 1978: 21; Лебедева 2003: 142–143]. По ряду релевантных морфологических показателей язык перевода ориентирован на «простое» употребление — формы живого русского языка. В склонении существительных м. и ср. р. во множественном числе используются только флексии *-ам*, *-ами*, *-ах* в дательном, творительном и предложном падежах; возможны редкие исключения в ТП ср. р. (*добрыми застроеніи* 67 об., *дубовыми древеси* 110). Для прилагательных ж. р. РП ед. ч. используется разговорное окончание *-ой* (а не *-ья*), для м. р. И–ВП ед. ч. — также *-ой* (а не *-ый*); адъективные флексии во мн. ч. не согласуются по роду с существительными — выражаются унифицированно как *-ые/-ие* в ИП и *-ья/-ия* в ВП. Форм простых претеритов в тексте не встретилось. Закономерно для Петровской эпохи ряд флексий демонстрирует вариативность. Адъективы м. и с. р. в РП ед. ч. оканчиваются как на *-ого*, так и на *-аго* (с предпочтением по-

следного). Формы инфинитива примерно в равном количестве встречаются как со старым показателем *-ти*, так и с новым *-ть*; вариативность форм инфинитива В. М. Живов относит к устойчивым чертам петровского «гражданского наречия» [Живов 2004: 192], характерным для текстов, «непосредственно связанных с петровской культурной политикой» [Там же: 185].

Лексические элементы также демонстрируют вариативность черт книжного и простого регистров. Разные рефлексy одного и того же корня могут быть представлены в одной синтагме (*пушѣки металомъ ро³ны, хотя форма одна тако^{жс}де и земля и порохъ ра³нствую^м л. 18*). Основы, восходящие к **tort*, **tert*, **telt*, употребляются и в полногласной, и в неполногласной огласовке (*дерев-/древес-*, *оградить/огородить*, *среди-/середин-, спреди/спереди*) в разных пропорциях; некоторые основы и слова встретились только в неполногласной форме (*хваст-*), другие — только в полногласной (*городъ*). Употребляются синонимичные лексемы разных регистров (*аще/буде, наки/опять, еже/который*) — русские лексемы заметно чаще. Лексику перевода также характеризует существенное количество заимствований, что во многом обусловлено спецификой адаптации европейской фортификационной терминологии в Петровскую эпоху (ср. [Мольков 2018]).

В контексте описанного приближенного к «простому» регистру языка с отдельными книжными элементами в «Ручной книге о фортификации» употребляются не вполне обычные краткие формы сравнительной степени прилагательных. В исследуемом переводе наблюдаются достаточно многочисленные примеры согласования этих форм в роде, числе, а в единичных случаях — и в падеже. Рассмотрим контексты.

1. Согласование по роду в ед. ч.:

ве^рхная ширина валу вообще не **коротча** есть толко 30. да не **ширша** 60, футовъ. л. 16; третья часть крѣпости стоитъ въ землѣ, и³ которо^н строения дѣлаются, а понеже земля земли **крѣпча** и **лучша**, то строеніа и³ худои земли, надо^бно толщи дѣлати, нежели тѣ, которые и³ крѣпко^и и туго^и земли дѣлаются. л. 19; аще похочется горнверкѣ дѣлати, что^б ко^ртїна понемногу **коротча**, нежели фаси его пришли, продолжится лінеа фланковая чере³ ровъ на поле 60 руть вонъ, ѿ С во А и ѿ L во D. л. 52 об.; вышина ихъ <кавалыровъ> **болша** есть общи^х бастіоновъ. л. 116; понеже пушка сосади **толща**, нежели спреди, тая^{же} то^лщина выстрѣль вышшѣ несеть. л. 156; либо колесо **вы^шше** есть другоа ... или колесо на ра^скатѣ к доскамъ приткне^тся или ступица колесная **должа** друго^и есть или | лафета болшѣ уклонится на о^дную нежели на ^другую сторону. л. 165–165 об.; буде такое я^дро¹ до 36. фунтовъ вѣси^т довольно будетъ первое вязаніе. а буде оно **тяжше** 40, 50, до 60 фунтовъ на первое еще другое вязаніе надо^бно. л. 221.

Формально приведенные примеры на *-е* совпадают с нормальным неизменяемым компаративом; еще на раннем этапе формы на *-е* послужили

«базой формирования несогласуемой сравнительной степени» [Бромлей 1954: 16]. Однако совокупность приведенных примеров — особенно контекст на л. 165–165 об. — показывает, что в узусе переводчика флексия *-е* краткой формы противопоставлена как минимум флексии *-а* (*колесо выше, но ступица должна*), т. е. форма СрС изменяется в зависимости от рода существительного. Приводимые ниже контексты с субъектом во мн. ч. дополнительно подтверждают это наблюдение.

2. Согласование по числу:

общия и полевая крѣпости суть ихже внутренняя и наружная стороны **корочши** учинятся нежели в мало^м роялѣ. л. 12; несовершенѣшая фортїѡкаціи! есть на которо^и обороненные углы **поострши** а оборонительные углы **потупши**, болверки **поузжи**¹, фаси **подолжи**, и еланки **покоротчи** здѣланы. л. 14; во фїгурѣ ѡртїѡкаціи, е^стли у то^и крѣпости ровные или неро^вные стороны и углы, великие и сколь широки. по тѣ^м и строения вышшѣ, болшѣ и толщѣ дѣлати [сїр: по поставленной пропорціи] а егда малы, такъ надобно и строенїя **менши**, **нижи** и **тончи** дѣлати. л. 19 об.; апроши бли^зко крѣпости **глубочи** дѣлаются 2 или 3. лавки. л. 87 об.; умаленные пушки суть четве^ртую долю длинною **корочи** пре^жныхъ обѣхъ, а в камерѣ $\frac{1}{4}$ ядра **менши**, нежели общие пушки. л. 123 об.; умаленные пушки длинною **коро^тчи** суть, укрѣпленны^х и общи^х, и тако в камерѣ $\frac{1}{4}$ **менши** общи^х пушекъ. л. 133.

Как и формы на *-е*, сами по себе компаративы на *-и* для этого периода могут быть унифицированной неизменяемой формой — в качестве таковой она составляла конкуренцию образованиям на *-е* с древнейшего периода [ИГДРЯ III: 428–429]. Но в рассматриваемом переводе очевидна неслучайность появления одной из этих форм в конкретных контекстах: флексия *-и* коррелирует со мн. ч. субъекта.

3. Согласование по падежу:

болве^ркову углу не быть ни **поостршу** ни **потупшу**, зане нару^жны^и уголь правится по внутреному. л. 104 об.; длина запальной трубки ра^злична, а обычаино такъ долга, что бы вбита до вънутре^ннаго дна гранаты достигнула. ѣные дѣлають ею $\frac{1}{4}$ внутреннего диаметра **коротчу**. л. 205.

Немногочисленные согласованные в падеже формы еще более неожиданны, чем примеры в первых двух пунктах, т. к. противоречат общей линии развития в русском языке кратких форм качественных прилагательных в целом — функциональной дифференциации именных и местоименных форм и закреплению за именными формами функции предиката. В результате этого процесса краткие формы прилагательных в косвенных падежах выходят из употребления и к XVIII в. сохраняются только «в адъективно-субстантивных словосочетаниях с терминологическим значением» в юри-

дических текстах [Хабургаев 1990: 189–190]. Использованию кратких форм в данных примерах могла способствовать их синтаксическая позиция предиката в составе конструкций в обоих случаях: долженствования с ДП субъекта (*углу не быть поостриу*) и *accusativus duplex* (*дѣлають ею коротчу*).

Наряду с приведенными выше примерами единично встречаются и обычные для русского языка неизменяемые формы на *-е*:

при учрежденіе фортификаціи смотрѣть надлѣжить, что бы .. | никакия лінеи ни **подолѣ** ни покоротчи были и можно было, съ точки на другую удобно стрѣляти. л. 102 об.–103; верхняя бляха при запално^и дирѣ (огненного мяча) имѣть диру, которая въ ½ цолла **ужшѣ** или менша нежели ве^рхное колце широко есть, и тако у всѣхъ здѣлать. л. 218 об.; длина *ab* забойника къ ра^кѣте котору^ю ра^звертять, будетъ подобна вышнѣ ра^кѣтнаго станка, а толщина его *bc* $\frac{12}{12}$ **мѣнше** толщины *cd*. л. 237 об.;

или на *-и*:

запалная трубка и^з добраго сухова дерева с головою сточится, надобно, что^б она при концѣ немного заострилася или уменьшалася, да небо-лшимъ, мѣстомъ **менши** стала, нежели запалная дира гранатная что^б ею удобно вбить во^зможно было. л. 205; то **крѣпчи** матеріа къ граната^м есть, то тонеѣ ихъ здѣлать мо^жно. л. 209.

Формы на *-е*, как видно из примеров, могут непосредственно соседствовать с согласованными формами (*подолѣ* — *покоротчи*, *ужшѣ* — *менша*).

Таким образом, краткие формы СрС в «Ручной книге о фортификации» в большинстве случаев демонстрируют изменяемость — способность к согласованию по основным именным грамматическим категориям.

Причины появления этих анахроничных для русского языка XVIII в. форм представляются неоднозначными. К началу XVIII в. в русском языке краткие формы уже давно утратили способность изменяться, но при этом два основных фактора могли поспособствовать возникновению таких форм в узусе переводчика.

Во-первых, склоняемые формы степеней сохранялись во всех остальных славянских языках, в том числе в польском, влияние которого на русский язык в рассматриваемый период и предшествующий ему хорошо известно (см. библиографию в [Гарбуль 2014: 7]). При непосредственном совпадении форм перевода с живыми формами СрС в польском языке можно было бы говорить о заимствовании граммемы, что в целом — редкое явление. Во-вторых, в церковно-книжном русском языке сохранялась склоняемая парадигма полных форм сравнительной степени на *-ѣйш/-айш-*. Эти формы «обильно и лексически не ограничено употребляются в произведениях позднего периода (особенно эпохи 2-го югославянского влияния), претендующих на возвышенность слова» [Бромлей 1954: 15] (см. также [Fałowski 1984: 76]); и впоследствии «атрибутивные формы на *-ейш/-айш-* со значением сравнения (а не высшей степени обладания признаком) как

традиционные для языка русской книжности еще достаточно активно использовались на рубеже XVIII–XIX вв.» [Хабургаев 1990: 213]. Формы на *-ѣйши/-айши-* М. В. Ломоносов описал как употребимые в функции СрС к середине XVIII в. в текстах «важного и высокого стиля», а также «в стихах» [Ломоносов 1755: 92]: *далечайший, высочайший, свѣтлѣйший, обильнѣйший* и др. — на фоне нейтральной ситуации, при которой формы компаратива «как нарѣчия неподвижны остаются» [Там же: 91].

Однако буквального совпадения всей совокупности необычных форм, встретившихся в переводе, ни с польским языком, ни с русским книжным нет. В формальном отношении с книжно-славянскими формами очевидно нет тождества — не совпадает формообразующий суффикс: *тончи* вм. *тончайшии*, *корочи* вм. *коротчайшии* и т. п. Некоторое формальное совпадение есть с польскими формами, образующимися с помощью суф. *-sz/-ejsz-* (типа *krótszy* от *krótki*, *dłuższy* от *długi* и *bystrzejszy* от *bystry* и др.) [Klemensiewicz, Urbańczyk 1964: 233], но не во всех приведенных формах есть суффикс *-и-* (*нижи*, *должа*). Отличия форм исследуемого перевода от названных аналогов представлены в Таблице 1 (полужирным выделены наиболее близкие формы).

Таблица 1

Сравнение форм компаратива в «Ручной книге о фортификации» с другими языковыми системами

Фортификация	Книжный	Старопольский
должа	должайшая	dłuższa
ширша	широчайшая	szersza
тончи	тончайшии	cieńszy
корочи, корочши	кратчайшии	krótszy
нижи	нижайшии	niższy
вышше	вышшее, высочайшее	wyszsze

Кроме того, названные параллели не объясняют использование в «Ручной книге о фортификации» именно кратких форм. Русские краткие формы *ширша*, *вышше* только внешне совпадают с польскими склоняемыми полными формами со стяжением *szersza*, *wyszsze*, омонимичными кратким [Ibid.: 324], и лишь в ИП.

В связи с этим можно предположить, что два указанных источника могли дать авторитетный образец, саму модель, требующую согласования форм сравнительной степени. А материал для реализации этой модели переводчик, в целом ориентируясь на разговорную речь, черпал в живом русском языке и образовывал гибридные формы, используя основы застывших кратких форм.

Описанными вариантами оформления использование форм СрС в «Ручной книге о фортификации» не ограничено. В переводе встречаются также

полные формы на *-гъйш/-айш-* и с суффиксом *-ш-* от некоторых основ. Они склоняются в соответствии с книжной парадигмой СрС:

меншайшѣи профѣль полевыхъ шанць, употребляется и къ редутамъ и треншеямъ. л. 72 об.; путь промеж **вышаго** вала и брустверомъ нижнаго вала обычаино есть 20. фут. л. 115; шпигели да будутъ такъ широки какъ мортырь навѣху камеры, **тончайшие** в ½ а тончайшие¹ [очевидно, ошибочный повтор вм. антонимичного прилагательного. — Г. М.] въ одинъ цолль. л. 192 об.; петарды суть ро³ной манеры... **употрѣбнѣйшия** вообщѣ вѣсятъ 60 фунтовъ мета^лла. л. 198 об.; і³ желѣза лѣтня ручныя гранаты суть **общѣйшия** и сѣло употребительныя, а мѣдныя **драгоценнѣйшия**. л. 209.

Но наряду с этими стандартными книжными формами переводчик образует и необычные флексии СрС в полной форме:

— глубину рва, и нижнюю ширину, мо^жно еще **легчею** и **коро^тчею** манерыо сыскать. л. 39 об.; сколь вышшѣ іррегуляр^нныя строения лѣжатъ, толь меньше мо^жно къ нимъ поступать, и для того они **крѣпчеи** суть, нежели на равнинѣ. л. 58 об.; горнве^рки, по^лу^мцы или треншеи полагаются на **крѣпчія** мѣста, чтобы неприятель тѣхъ не употреби^л къ пользности своей. л. 105.

Здесь использованы флексии полных форм (как в книжных на *-гъйш/-айш-* — например *крѣпчайшеи* в ИП мн. м. р. или *легчайшею* в ТП ед.), а основы, по-видимому, были им взяты из кратких. В частности, форма *легче*, имевшая изначально значение ед. ч. ср. р., но известная уже с XIII в. как неизменяемая форма СрС [ИГДРЯ III: 389–390], могла быть взята за отправную для образования ТП *легчею*¹. Форма *крѣпчеи* близка по способу образования к исконным формам СрС м. и ср. р. ед. ч. — *крѣпчайи* (*крѣпчѣи*), *крѣпчае* [Там же: 392–393], — но другие формы в рамках книжной парадигмы должны при этом образовываться от основы *крѣпчайиш-*. Поэтому форма *крѣпчеи*, вероятнее всего, представляет собой попытку объединить основу унифицированной поздней формы *крѣпче*, характерной для говоров великорусского центра (вм. *крѣпчае*) [Хабургаев 1990: 209], с системой флексий склоняемых книжных форм СрС.

Таким образом, появление нестандартных форм сравнительной степени в переводе с немецкого могло быть обусловлено нормативными установками переводчика, попытавшегося примирить разные принципы функционирования этой грамматики в известных ему авторитетных языковых системах и живом русском языке.

Причины появления подобных нормативных установок на создание искусственных гибридных по природе форм при отсутствии непосредствен-

¹ Характерно при этом, что аналогичные формы от других основ с суффиксами *-ък/-ок-* — **мякче*, **жестче*, **гладче*, **сладче*, **кротче*, **коротче* — в материалах, просмотренных С. И. Иорданиди, не встретились [ИГДРЯ III: 390].

ных образцов в текстах, по-видимому, следует искать в нормализующих пособиях, актуальных в первой трети XVIII в. Очень близка к системе форм СрС, используемых в «Ручной книге о фортификации», попытка искусственного нормирования форм степеней сравнения, предложенная в «Технологии» Ф. Поликарпова, который последовательно разделяет сравнительную и превосходную степень и закрепляет за формой сравнительной степени суффикс *-и-*, а за превосходной — *-ѣиш-/-айи-*².

Таблица 2

Формы степеней сравнения в «Технологии» Ф. Поликарпова³

Положительный	Разсудите^ный	Превосходите^ный
крѣпкій	крѣплшій	крѣпчѣйшій
крѣпкая	крѣплшая	крѣпчѣйшая
крѣпкое	крѣплшее	крѣпчѣйшее
высокій	вышшій	высочѣйшій
высокая	вышшая	высочѣйшая
высокое	вышшее	высочѣйшее
широкій	ширшій	широчѣйшій
широкая	ширшая	широчѣйшая
широкое	ширшее	широчѣйшее
славный	славншій	славнѣйшій
славная	славншая	славнѣйшая
славное	славншее	славнѣйшее
честный	честншій	честнѣйшій
честная	честншая	честнѣйшая
честное	честншее	честнѣйшее

² Аналогичную парадигму ранее предлагает и Г. Лудольф в своей грамматике 1696 г., которая не могла быть известна переводчику фортификации [Лудольф 1937: 123]:

М.	Святыи	Святши	Святѣиши
Ж.	Святая	Святшая	Святѣишая
Ср.	Святое	Святшее	Святѣишее

Это искусственное распределение у Г. Лудольфа связано с его ориентацией по ряду параметров на грамматическую схему европейских грамматик — латинских Доната и Ласкариса, как предполагал Б. А. Ларин [Там же: 24], а также грамматики немецкого языка К. Штилера, как показал Г. Кайперт, [Keipert 2005] (на эту работу нам указала Н. В. Карева).

³ См. [Поликарпов 2000: 129].

Для некоторых основ получается объединить в одну парадигму реально допустимые формы (**вышшій** и **высочайшшій**), образованные с помощью разных этимологически синонимичных суффиксов. Но во многих случаях для сохранения последовательности в деklinации приходится образовывать потенциальные формы с непредставимыми в живом языке сложными сочетаниями согласных (**славншій**, **честншій**). В целях нормализации книжного языка⁴ Ф. Поликарпов ориентируется на церковнославянский языковой материал, поэтому СрС в его пособии отличается от нетривиальных форм перевода фортификационного трактата (**крѣплшій** vs. *крѣпчеи*), но в обоих случаях появляются искусственные образования, заполняющие клетки языковой системы.

В приведенной таблице форм указаны не все возможности формообразования прилагательных. Предваряя таблицу, Ф. Поликарпов дает более подробный разбор одного из прилагательных (*сладкий*), при котором для форм всех родов и степеней предполагается краткая модификация, полученная **чрезъ үсѣченіе** — **Сладокъ, сладка, сладко. Сладшъ, сладша, сладшо. Сладчайшъ, сладчайша, сладчайшо** [Поликарпов 2000: 128]. По этой схеме от полных форм **ширшая, ширшее** должны быть образованы согласуемые и склоняемые краткие формы СрС **ширша, ширше** — для этого прилагательного (и, вероятно, для ряда других — Ф. Поликарпов приводит парадигмы только для 19 наиболее частотных слов) видно формальное совпадение норматива, предложенного в «Технологии», и реализации в тексте перевода сочинения А.-Г. Бёклера.

Тем не менее полного тождества описанных нетривиальных форм СрС в русском переводе начала XVIII в. и предписаний грамматики нет. Можно предположить, что нормализация грамматики проводилась с оглядкой на требование Петра I переводить «простым русским языком».

Таким образом, описанная грамматическая особенность в русском переводе начала XVIII в., выделяющая его употребление на фоне общей линии развития форм СрС в русском языке, была спровоцирована рядом благоприятствующих факторов. Свой вклад внесло иноязычное влияние — ориентация на польскую модель формообразования компаратива, не утратившего склонение. Но важной оказалась и внутрисистемная поддержка русского языка: взаимовлияние церковно-книжного и живого русского языка, актуализировавшееся в ситуации поиска языковой основы литературного языка современного типа. Такая морфологическая аномалия представляется характерной для периода первой четверти XVIII в., когда книжники «стремились следовать предписаниям грамматики даже в тех частях и разделах ее, которые были особенно искусственны и не имели опоры в живой языковой системе» [Кутина 1978: 258]. Предполагаемый механизм образования компаративных форм в рассмотренном переводе — использо-

⁴ «В понимании Поликарпова **технологѣа** — нормирующий трактат, имеющий предметом рассмотрения грамматику» [Поликарпов 2000: 25].

вание русских разговорных основ и суффиксов для субституции маркированных форм церковнославянской парадигмы — был востребован в ситуации попыток использовать книжно-славянский язык «в упрощенной и облегченной его редакции» [Там же: 262] в качестве литературного языка нового типа.

Источники

- Лебедева 2003 — Библиотека Петра I: описание рукописных книг / Авт.-сост. И. Н. Лебедева. СПб., 2003.
 Ломоносов 1755 — Российская грамматика М. Ломоносова. СПб., 1755.
 Лудольф 1937 — Г. Лудольф. Русская грамматика / Переизд., пер., вступит. ст. и примеч. Б. А. Ларина. Л., 1937.
 Поликарпов 2000 — Ф. Поликарпов. **Технологія**. Искусство грамматики / Изд. и исслед. Е. Бабаевой. СПб., 2000.

Литература

- Боброва 1978 — Библиотека Петра I. Указатель-справочник / Сост. Е. И. Боброва. Л.: БАН, 1978.
 Босак 1971 — Ц. Босак. Развитие русского компаратива (Acta Universitatis Carolinae Philologica Monographia XXXVI). Praha: Universita Karlova, 1971.
 Бромлей 1954 — С. В. Бромлей. История образования форм сравнительной степени в русском языке XI–XVII веков. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1954.
 Бромлей 1960 — С. В. Бромлей. Образование несогласуемой формы и история членных форм сравнительной степени в русском языке (По материалам памятников письменности XI–XVII вв.) // Материалы и исследования по истории русского языка. М.: Наука, 1960. С. 177–234.
 Гарбуль 2014 — Л. Гарбуль. Лексические полонизмы в русском приказном языке первой половины XVII века. Вильнюс: Изд-во Вильнюсского ун-та, 2014.
 Живов 2004 — В. М. Живов. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. М.: Языки славянской культуры, 2004.
 ИГДРЯ III — А. М. Кузнецов, С. И. Иорданиди, В. Б. Крысько. Историческая грамматика древнерусского языка. Т. III. Прилагательные. М.: Азбуковник, 2006.
 Кутина 1978 — Л. Л. Кутина. Последний период славяно-русского двуязычия в России // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Загреб–Любляна, сентябрь 1978 г. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1978. С. 241–264.
 Мольков 2018 — Г. А. Мольков. Терминология трактатов А. П. Ганнибала «Геометрия практика» и «Фортификация» 1725–1726 гг. // Терминология и знание. Материалы VI Международного симпозиума (Москва, 8–10 июня 2018 г.). М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова; Мин-во образования КНР, 2018. С. 179–188.
 Хабургаев 1990 — Г. А. Хабургаев. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М.: Наука, 1990.

Fałowski 1984 — A. Fałowski. Kształtowanie się kategorii superlatywu przymiotników w tekstach staroruskich i starorosyjskich XI–XVII w. (Monografie Slawistyczne 48). Wrocław: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1984.

Keipert 2005 — H. Keipert. Ludolf und Stieler // Zeitschrift für Slavische Philologie. 2005. Vol. 64, No. 1. P. 33–61.

Klemensiewicz, Urbańczyk 1964 — Z. Klemensiewicz, S. Urbańczyk. Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1964.

Stieber 1979 — Z. Stieber. Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1979.

Статья получена 12.05.2021

Georgiy A. Molkov

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)
georgymolkov@gmail.com

UNUSUAL FORMS OF THE COMPARATIVE IN A RUSSIAN TRANSLATION FROM THE BEGINNING OF THE 18TH CENTURY

The article is devoted to the forms of the Russian comparative in an early 18th-century translated treatise on fortification, which stand out against the background of the general line of development of this grammatical category in the Russian language. Deviations concern declensional characteristics of the short forms of the comparative: in the predicative position, they consistently demonstrate the ability to agree with the subject. This feature may be explained by artificial grammatical normalization of the language under the influence of authoritative Polish and Church Slavonic grammatical systems, where the comparative retained concordance. The comparative forms found in the text under consideration do not completely conform to the Polish or Church Slavonic declension patterns; they may be hybrid formations generated by an attempt to normalize the grammar of translation based on the Spoken Russian and by the use of simplified Church Slavonic in the first quarter of the 18th century.

Keywords: comparative, unusual grammar forms, Russian language of the Petrine Era, normalization, interaction of the Church Slavonic and Russian languages

References

- Bobrova, E. I. (Ed.). (1978). *Biblioteka Petra I. Ukazatel'-spravochnik*. Leningrad: BAN.
- Bosak, Ts. (1971). *Razvitie russkogo komparativa*. Prague: Universita Karlova.
- Bromlei, S. V. (1954). *Istoriia obrazovaniia form sravnitel'noi stepeni v russkom iazyke XI–XVII vekov* (doctoral dissertation). Moscow State University, Moscow.
- Bromlei, S. V. (1960). *Obrazovanie nesoglasuemoi formy i istoriia chlennykh form sravnitel'noi stepeni v russkom iazyke* (Po materialam pamiatnikov pis'mennosti XI–XVII vv.). In R. I. Avanesov (Ed.), *Materialy i issledovaniia po istorii russkogo iazyka* (pp. 177–234). Moscow: Nauka.

Fałowski, A. (1984). *Kształtowanie się kategorii superlatywu przymiotników w tekstach staroruskich i starorusyjskich XI–XVII w.* Wrocław: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.

Garbul', L. (2014). *Leksicheskie polonizmy v russkom prikaznom iazyke pervoi poloviny XVII veka.* Vilnius: Izd-vo Vil'niusskogo un-ta.

Keipert, H. (2005). Ludolf und Stieler. *Zeitschrift für Slavische Philologie*, 64(1), 33–61.

Khaburgaev, G. A. (1990). *Ocherki istoricheskoi morfologii russkogo iazyka. Imena.* Moscow: Nauka.

Klemensiewicz, Z., & Urbańczyk, S. (1964). *Gramatyka historyczna języka polskiego.* Warsaw: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.

Kutina, L. L. (1978). Poslednii period slaviano-russkogo dvuiazychiia v Rossii. In V. I. Borkovskii (Ed.), *Slavianskoe iazykoznanie. VIII Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Zagreb–Liubliana, sentiabr' 1978 g. Doklady sovetskoi delegatsii* (pp. 241–264). Moscow: Nauka.

Kuznetsov, A. M., Iordanidi, S. I., & Krys'ko, V. B. (2006). *Istoricheskaia grammatika drevnerusskogo iazyka. Vol. 3: Prilagatel'nye.* Moscow: Azbukovnik.

Mol'kov, G. A. (2018). Terminologiya traktatov A. P. Gannibala «Geometriia praktika» i «Fortifikatsiia» 1725–1726 gg. In S. D. Shelov (Ed.), *Terminologiya i znanie. Materialy VI Mezhdunarodnogo simpoziuma (Moskva, 8–10 iunია 2018 g.)* (pp. 179–188). Moscow: Institut russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova.

Stieber, Z. (1979). *Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich.* Warsaw: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.

Zhivov, V. M. (2004). *Ocherki istoricheskoi morfologii russkogo iazyka XVII–XVIII vekov.* Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Received on May 12, 2021